

С.Б. Брилёв, Б. О’Коннор

**«ТОНИК» И «СОДОВАЯ»: НЕУДАЧНЫЙ КОКТЕЙЛЬ.
Провал немцев и австрийцев – участников
англо-советской разведывательно-диверсионной схемы
«Ледоруб» в 1943 г.***

Аннотация. Сформированные в Москве из числа коминтерновцев (австрийцев и немцев) и заброшенные через Британию в «рейх» советские разведгруппы «Тоник» и «Содовая» – пожалуй, самые своеобразные из всех входящих в англо-советскую схему «Ледоруб». Ее в 1941–1944 гг. совместно осуществляли разведка НКВД СССР и британская служба по диверсиям и саботажу *Special Operations Executive (SOE)*.

Особенности, которыми отличались предвоенные биографии участников этих групп (особенно женщин), обстоятельства переправки их из Архангельска в Шотландию, странные эстонские псевдонимы, присвоенные им для транзитного пребывания в Англии, и, наконец, то, чем обернулось их десантирование в Австрии и Германии, – все это составляет по-настоящему необычную главу истории как отдельно взятых спецслужб, так и международных отношений в целом.

Благодаря сравнительному анализу документов из британских Национальных архивов (TNA), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и материалов, предоставленных в ответ на запрос Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) Службой внешней разведки (СВР) Российской Федерации, решается важная задача избавления от «гестаповского фильтра» в освещении этой истории. Имеется в виду, что плененные британцами или сдавшиеся британцам гестаповцы, которые в свое время допрашивали схваченных ими советских агентов, могли приукрасить или как-то еще исказить факты с целью спасти свои жизни.

В частности, подвергаются ревизии сразу несколько версий, выдвинутых в 1940-х годах захваченными в плен гестаповцами относительно обстоятельств пленения и перевербовки ряда советских агентов-радиотов. Дополнительная задача автора – уточнить детали политических биографий и психологических портретов советских агентов – участников названных операций, объяснить обстоятельства их переброски на Запад.

---

* Начало серии статей см.: [Брилёв 2019].

Ключевые слова: НКВД; SOE; разведка; Коминтерн; Австрия; Германия; гестапо; радиоигра.

Брилёв Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора телеканала «Россия», ведущий программы «Вести в субботу» (телеканалы «Россия-1» и «Россия-24»), Москва. E-mail: sbrilev@yahoo.com

О’Коннор Бернанд – писатель, исследователь истории британских спецслужб. Графство Шропшир (Соединенное Королевство). E-mail: Fquirk@aol.com

S.B. Brilev, B. O’Connor. «Tonic» and «Sodawater»: A Wrong Cocktail. The Causes of Failure of Austrian and German Communists Enrolled in the Anglo-Soviet Pickaxe Intelligence and Sabotage Scheme in 1943

Abstract. Two groups of Soviet intelligence agents denominated as «Tonic» and «Soda Water», formed out of Austrian and German activists of the Communist International and transferred from the USSR to the Reich via the United Kingdom, are, perhaps, the most peculiar participants of the joint «Pickaxe» scheme carried out from 1941–1944 by the Intelligence directorate of the Soviet People’s Commissariat for Internal Affairs (Russian acronym NKVD) and Britain’s Special Operation Executive (SOE).

The peculiarities of the pre-war biographies of the groups’ participants (especially the women), the circumstances of their voyage from Archangel to Scotland, the somewhat bizzare Estonian pseudonyms allocated by planners in Moscow for their transit via England and the outcome of their drop off over the Reich, – all of this constitutes truly rare a chapter of history of both the intelligence services and international relations.

By comparative analysis of documents from the National Archives of the United Kingdom (TNA), the Russian State Archive for Social and Political History (Russian acronym RGASPI) and various papers provided upon a request by the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Corporation (Russian acronym VGTRK) by Russia’s Foreign Intelligence Service (Russian acronym SVR), an important positivist aim is being achieved: getting rid of the narrative still exercised through a «Gestapo filter».

The latter means that the Gestapo operatives, who were either captured by the British or surrendered to the British and interrogated by them, could have either exaggerated or indeed simplified the realities in order to save their lives.

In particular, the article revises the versions articulated by the Gestapo men interrogated in 1940s, as of how a number of war-time Soviet agents were captured and «turned». An additional task has been to clarify the political biographies and psychological profiles of the Soviet agents involved and to explain the circumstances and the logistics surrounding their departure from the USSR to the West.

Keywords: NKVD; SOE; intelligence; Comintern; Austria; Germany; Gestapo; radio game.

Brilev Sergey Borisovich – Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director and Anchor of the TV Channel «Russia».
Moscow. E-mail: sbrilev@yahoo.com

O'Connor Bernard – Writer, Author of Numerous Books
on British Special Services' History. Shropshire,
United Kingdom. E-mail: Fquirk@aol.com

Эстонцы? Первые загадки

Почти как все участники схемы «Ледоруб», группы «Тоник» и «Содовая» должны были быть переброшены из СССР возвращавшимися в Британию кораблями северных конвоев из Архангельска. 14 сентября 1942 г. на борт британского судна «Оушн Войс» взошли по советским паспортам «Эмилия Новикова», «Елена Никитина», «Пётр Кольцов» и «Генрих Горелов». Правда, у них всех были дополнительные вымышленные биографии... эстонцев. «Никитина» – 34-летняя Керсти Поска, незамужняя стенографистка из Хаапсалу. «Новикова» – 34-летняя Анна Ундер, незамужняя гувернантка из окрестностей озера Выртсьярв. «Кольцов» – 36-летний Юри Круус, холостой инженер-радиотехник из Таллина. «Горелов» – 37-летний Отто Улноти, холостой торговец древесиной из Рафлы [Pickaxe operations]. Логика появления этих «эстонских личностей» до конца необъяснима. Возможно, в Москве хотелишний раз подчеркнуть, что даже оккупированная немцами Эстония – неотъемлемая часть СССР. Но при этом лишь отчасти оправданным оказалось предположение о том, что в НКВД могли решить дать агентам имена *исчезнувших* эстонцев, до которых было уже не добраться ни британцам, ни немцам.

Единственная фигура, почти полностью совпадающая с реальной – Анна Ундер. Из переписки с администраторами портала эстонского «Мемориала» следует, что перед войной в Эстонии (действительно, в районе озера Выртсьярв) проживала такая женщина, родившаяся в 1907 г.¹ При этом она была фактически ровесницей той, 34-летней «Анны Ундер», что прибыла в Британию. Однако настоящая А. Ундер скончалась в 1939 г. Это более или менее вписывается в практику подбора НКВД агентурных легенд другим известным разведчикам-«нелегалам» (с той разницей, что обычно использовались имена умерших в младенчестве).

Есть в приведенном списке и еще одно совпадение с реально существовавшим человеком. На портале жертв сталинских репрессий в Эстонии значится Юри Ганс Круус (осужденный, в частности, по ст. УК 58–1 «а» –

---

1. *Email correspondence of Bernard O'Connor and Arnold Alijaste (Memoriaal, Estonia).*

«шпионаж»). Правда, он родился в 1894 г. и к моменту путешествия ему должно было быть минимум 47 лет. Между тем прибывшему в Британию «Юри Круусу» было по документам 36 лет. К тому же настоящий Ю. Круус был осужден уже после войны, в 1948 г. [Eesti Kommunismiohvid].

Опрошенные эстонцы уточнили. Поска и Круус – распространенные эстонские имена, а фамилии «Улноти» в эстонском не существует. В таком случае зачем было Москве давать своему агенту попросту *вызывающее* имя?

«Улноти»-«Горелов» предстает поистине самой загадочной фигурой из всего этого списка. Из документов ТНА следует, что, будучи арестован гестапо, в «рейхе» он назвался еще и Георгом Тьетце [O'Sullivan 2010, p. 85]. Ни одного из этих трех имен не встречается ни в документах РГАСПИ, ни в документах СВР. Стоит, правда, заметить, что руководитель миссии связи НКВД в Лондоне И.А. Чичаев поместил его в одну группу с той, о ком, чуть забегаая вперед, заметим, что она была агентом не НКВД, а Разведуправления Генерального штаба РККА. Возможно, и «Горелов» относился не к политической разведке НКВД, а к ГРУ. Это объясняет, почему его нет в базе данных агентуры СВР.

Британцы при личном наблюдении за «Гореловым» отметили только, что это «смешной старик» (при этом возраст определили в районе 45 лет), подчеркнув еще, что «на первый взгляд, он находится в постоянной депрессии». В SOE продолжили: «Тем не менее более длительное общение и алкоголь породили целую коллекцию очень даже забавных рассказов. Но, в целом, он экономил слова и не заговаривал, если к нему не обращались» [Picksaxe operations].

«Кнуты»

Временные обстоятельства, в которых группы «Сода» и «Тоник» очутились на русском Севере, были настолько своеобразными, что с легкой руки руководителя миссии связи SOE в СССР Джорджа Хилла за ними закрепилось еще одно название. В своем донесении в штаб-квартиру SOE он писал: «Я полагаю вполне вероятным, что [они] были использованы обеими сторонами, как своего рода *кнуты*» [Picksaxe projects]. Хилл расшифровывает эту мысль в своих мемуарах. При посещении в конце 1942 г. Архангельска он, по его словам, имел непростую беседу с капитаном Королевского флота Маундом, который не хотел брать «ледорубов» к себе на борт:

«Ему не нравились русские, он ядовито ненавидел Архангельск и не желал сотрудничать с советским ВМФ.

– Не нужны нам в Англии эти коммунистические бастарды, – жестко сказал он мне.

– [...] Ты, похоже, забыл, что Черчилль обещал помочь всем, кто против Гитлера. Ты против этого?» [Hill 1968, p. 217–218].

Британские военные пытались не пустить группы «Сода» и «Тоник» на свои корабли, так как именно тогда в самой острой фазе находился конфликт между представителем НКВД СССР в Архангельске Красильниковым и британской военной миссией по поводу ужесточения советской стороной режимных (в том числе визовых) ограничений для союзников. Затягивание с выдачей виз Хилл называл «сладкой привычкой» советской стороны [Hill 1968, p. 164]. Летом-осенью 1942 г. в центре конфликта оказался британский военно-медицинский персонал [O'Connor 2012, p. 110–111].

Хорошо знакомый с материалами УНКВД по Мурманской области времен Великой Отечественной войны генерал-майор Геннадий Гурылёв (в 1992–1999 гг. – начальник мурманского УФСБ РФ) уточнил, что в основе конфликта было объявленное британцами прекращение отправки конвоев после разгрома немцами каравана PQ-17. Следствием той трагедии стала попытка британцев открыть мобильный госпиталь для основного базирования в Архангельске и частичного размещения в Ваенге Мурманской области. В столицу российского Заполярья этот госпиталь был доставлен 23 августа 1942 г., т.е. в самый канун отправки групп «Тоник» и «Содовая». Но проблема состояла в том, что британцы решили развернуть эти госпитали вообще без предварительного получения виз медперсоналом.

Конечно, ко всему добавлялась и сугубо советская специфика. Прибытие в Архангельск в августе 1941 г. самого первого британского конвоя «Дервиш» совпало с введением в городе карточек на продукты. У единственного в городе магазина, торговавшего хлебом по коммерческим ценам, стали выстраиваться очереди до 10 тыс. человек. Как отмечали в УНКВД по Архангельской области, это вызывало интерес иностранных моряков с фотоаппаратами [Кононов 2015, с. 7]. В первом же отчете архангелогородских чекистов о, как их называли, «иноморяхах» от 12 ноября 1941 г. внимание Архангельского обкома ВКП (б) обращалось на то, что «круг лиц из англичан, подозреваемых в разведдеятельности, несомненно расширяется» [Кононов 2015, с. 11].

Как представляется, значительная часть «разведдеятельности» была не шпионажем, а тем самым наблюдением со слишком близкого расстояния за реальным социалистическим бытом, отягощенным к тому же испытанием войной. Но когда к этому добавилось еще и прибытие медицинского персонала без виз... К слову, мурманский исследователь В.В. Фёдоров, на которого ссылаются ветераны УФСБ, отмечает, что хоть какой-то британский медицинский персонал все-таки смог остаться: «благодаря находчивости офицеров британской военно-морской миссии». Уловка состояла в том, что часть

врачей оставили, «оформив их не как медиков, а как наземный обслуживающий персонал Королевских ВВС»². Судя по всему свою роль сыграла и позиция офицеров Королевского флота, отказывавшихся брать на борт советских агентов, если в Архангельске не останется хоть кто-то из британских врачей.

Вряд ли представлявшие себе весь масштаб англо-советской «визовой войны» и всю глубину советской «шпиономании», *настоящие* агенты из групп «Содовая» и «Тоник» взошли на борт как раз того британского судна («Оушн Войс»), на котором на родину возвращались «лишние» сотрудники британского военного госпиталя. Но вскоре всем им предстояло куда более суровое испытание, чем визовое.

22 сентября на 71° 23' с. ш. и 11° 03' з. д. судно «Оушн войс» попало в объектив перископа немецкой подлодки U-435 [Jürgen 2007–2018; Ocean Voice]. Судно было потоплено, но, к счастью, никто не погиб. Однако на дно ушли все приготовленные для переброски советских агентов в «рейх» документы и радиопередатчики. 28 сентября советские агенты сошли на британский берег, будучи доставленными туда кораблями Королевского флота «Замалек» (по другим сведениям, «Бульдог») [Pickaxe operations] и «Сигал» [Ocean Voice]. В последнем случае перевод – «Чайка».

«Чайка»

Под оперативным псевдонимом «Чайка» в ответе СВР на запрос ВГТРК проходит Эмилия Степановна Шок-Нагель. Кстати, интересная деталь: в ответе на тот же запрос написано также, что «данных на Эмилию *Борецки* в архиве Службы не имеется». Между тем фотографии свидетельствуют о том, что речь идет об одном и том же человеке. Эта женщина, прибывшая в Британию по советскому паспорту на имя «Эмилии Новиковой», при транзите через Британию в «рейх» значилась как 34-летняя эстонка «Анна Ундер». Но и *настоящих* фамилий у нее было более чем достаточно. Из ее собственноручных записей в РГАСПИ: девичье имя – Эмилия Бартальски, кличка – Эмилия Нагель [Шок, л. 56], по мужу – Борецки (также известного, как Шок) [Шок, л. 55].

Начнем с конца, с мужа. Последний документ в ее личном деле в РГАСПИ такой:

---

2. Переписка автора с Г.А. Гурьлёвым.

«Управлению делами ЦК КПСС
От Борецкой Эмилии Степановны
Г. Инта, Коми АССР

Просьба перечислить зарплату на умершего мужа по постановлению Совета министров СССР от 8 сентября 1955 г. №. 1655» [Шок, л. 1].

Кем же был ее супруг, о котором она писала, явно имея в виду, что он сгинул в сталинских лагерях?

Родился Густав Борецки в 1897 г. в Братиславе [Шок, л. 4], как и Эмилия. В одной из справок Коминтерна он назван венгром [Шок, л. 6]. Но свою автобиографию он написал на немецком [Шок, л. 30]. Немцем он значился и у кадровиков Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) [Шок, л. 8].

Период 1913–1918 гг. определен как время, когда он числился в Венгерской социал-демократической партии. В то же время из автобиографии следует, что в 1914 г. Борецки был призван в австро-венгерскую армию, в 1915 г. находился в плену в Перемышле, а затем, в 1916 г. – в лагере военнопленных в Березовке в Сибири, в 1916–1917 гг. работал кучером на уральском заводе в Невьянске. Там, по его словам, вступил в РККА, боролся с чехословацкими легионерами, заболел тифом, лежал в лазарете в Нижнем Тагиле и Перми. В 1918 г. вернулся в Братиславу. В последующие годы последовательно являлся членом КП Венгрии, Чехословакии и Советского Союза [Шок, л. 8]. Это свидетельствует о его частых разъездах.

В справке отдела кадров ИККИ говорилось: «Дисциплинированный и хороший товарищ. Не вполне самостоятельно ориентируется в политических вопросах. Годится для <...> организационной массовой работы под наблюдением руководящих товарищей» [Шок, л. 38]. Так и не окончив коминтерновскую Международную Ленинскую школу [Шок, л. 11], он был оставлен *полевым* кадром. Сразу в двух справках ИККИ подтверждается, что он был привлечен к работе в *разведке* Коминтерна – и в тот период, когда она называлась «ОМС» (Отдел международных связей), и когда она стала «СС» (Служба связи) [Шок, л. 12, 19] – до своего ареста 8 июля 1937 г. [Шок, л. 4].

О карьере его жены можно судить, в частности, по ее внутреннему паспорту гражданина СССР, который, как выяснилось, все эти годы хранился в СВР. Она тоже значится как венгерка по национальности. Но поистине показательными являются штампы на страницах, предназначенных для «Особых отметок». Итак, в апреле 1935 г. она была принята, а в июле 1937 г. уволена с «8-й базы физкультурников имени Спортинтерна»³. Между тем из

---

3. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

переписки генсека ИККИ Георгия Димитрова известно, что счет в Госбанке под названием «8-я база физкультурников» был «вторым текущим» для ОМС / СС [Записки службы связи, л. 7]. Ответ СВР на запрос ВГТРК разъясняет, что в разведке Коминтерна Эмилия была «радиооператором»⁴. Позже ее «отличные технические знания» были отмечены и наблюдавшими за ней офицерами SOE [Tyas 2017, p. 79].

Из Коминтерна она была уволена тогда же, когда был арестован ее муж – в середине июля 1937 г. Следующим штампом в ее паспорте был штамп о том, что 19 июля она, будучи портнихой по профессии [Шок, л. 52], была зачислена на фабрику № 8 «Москвошвей»⁵. На следующей день бдительная секретная часть фабрики просила Коминтерн «срочно сообщить о положении и происхождении НАГЕЛЬ Эмилии Степановны» [Шок, л. 49]. Первый ответ был написан кем-то, кто явно пытался помочь вчерашней коллеге, выдавая увольнение за нечто невинно-рутинное: «Уволена из ИККИ по сокращению штата» [Шок, л. 50]. Второй ответ был откровеннее: «Является женой ШОКА, ныне арестованного органами НКВД» [Шок, л. 52].

На фабрике «Москвошвей» она проработала по март 1939 г. Из ответа СВР на запрос ВГТРК стало известно, что тогда же она была «завербована 3 отделом ГУГБ НКВД СССР (контрразведка. – С. Б., Б. О'К.) и использовалась в разработках политэмигрантов, подозреваемых в шпионской деятельности. Ее работа с органами оценивалась положительно». Из того же ответа следует: «В декабре 1941 г. “Чайка” была привлечена к работе 1 управления (разведка) НКВД. [С началом войны] была подготовлена в качестве радистки для агента “Конрада”»⁶.

«Конрад»-Кёлер

Конрад – тот, кого в истории спецслужб до сих пор знали как «эстонца» «Юри Крууса» или русского «Петра Кольцова». Но «Конрадом» он назван как в документах СВР, так и в многочисленных материалах в РГАСПИ [Келлер]. Совпадают и фотографии, т.е. несомненно, что это – одна и та же личность.

Настоящее его имя – Герман Кёлер-Шобер. В советских документах так же встречается отчество «Карлович» и написание фамилии «Келлер». Кличка – «Конрад». При этом в ответе СВР отмечается, что завербован он был в конце

---

4. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

5. Ответ СВР за запрос ВГТРК.

6. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

1941 г.⁷, а в документах ИККИ он назван «Конрадом» еще до войны [Келлер, л. 1].

Родился Кёлер 23 апреля 1906 г. в городе, расположенном в той части Моравии, где в ходу были и чешский, и немецкий языки. На чешском языке – город Одри. На немецком – Одрау. В компартию вступил в *Австрии*. Было это в 1924 г.⁸ Профессия – столяр [Келлер, л. 1].

Когда он попал в Англию, то офицеры SOE отмечали, что он «очень типичный венец» (очевидно, он приобрел характерный венский акцент) и что «он никогда не говорил о политике» [Pickahe operations]. Обычно такая осторожность в разговорах о политике с малознакомыми людьми была свойственна тем, кто в Коминтерне выполняли различные «деликатные миссии». Австрийский историк Г. Шафранек уверенно относит Кёлера к ОМС / СС [Schafranek 1996, S. 14], но документальных свидетельств в РГАСПИ на этот счет нет.

Британские офицеры, когда разговаривали Кёлера, пришли к выводу, что все-таки «его тенденции кажутся именно коммунистическими» [Pickahe operations]. В материалах КП Австрии он назван одновременно и «старым», и «молодым» коммунистом: «КОНРАД (КЕЛЛЕР) – старый член КПА и принадлежит к молодым руководящим кадрам партии. До 1935 г. работал в комсомоле» [Келлер, л. 43]. Согласно справке СВР, в 1931–1932 гг. он «работал в аппарате КИМ в Москве», но это была только краткая командировка, ибо «с 1926 г. по 1940 г. работал по линии Коминтерна в Австрии» [Келлер, л. 43–44]⁹. То есть в отличие от большинства других, он не покинул Австрию после вооруженного выступления леворадикалов 1935 г. Обратим внимание и на такой пассаж из справки компартии Австрии: «В период подполья несколько раз партией *посылался* (курсив наш. – С. Б., Б. О'К.) на партработу в страну» [Келлер, с. 44].

Так *оставался* он в Австрии или его туда периодически *засылали*? В ответе СВР читаем, что до войны «Конрад» также «находился на партийной работе в Праге и Париже»¹⁰. По материалам РГАСПИ к этой географии можно еще добавить Копенгаген [Келлер, л. 49]. Автор первой из опубликованных на Западе монографий о схеме «Ледоруб», Донал О'Салливан, считает, что Кёлер оставался в Австрии вплоть до «аншлюсса», а после выехал в СССР через Францию [O'Sullivan 2010, p. 88].

В 1942 г. во время его транзита через Британию сотрудники SOE отметили, что у него «оставалось неприкосновенным прирожденное чувство юмора»

---

7. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

8. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

9. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

10. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

[Pickaxe operations]. Но в Коминтерне его представляли несколько иначе. В 1940 г. кадровики ИККИ отмечали про него, что он «не любит самокритику и тяжело переносит критику» [Келлер, л. 48]. А его однопартийцы из Австрии отмечали, что в период подполья «у него проявилась тенденция к зазнайству» [Келлер, л. 43].

Британские офицеры также отметили, что «его ничто не расстраивало» [Pickaxe operations]. Однако что касается политики и идеологии, то, согласно его однопартийцам, это было не так: «После заключения советско-германского пакта, когда он выразил сомнение, совпадает ли эта политика СССР с интересами международного пролетариата» [Келлер, л. 44]. Тем не менее к январю 1940 г. кадровики Коминтерна, Белов и Приворотская констатировали: «Он снова стоит на правильных партийных позициях» [Келлер, л. 48].

Кстати, как отмечается и в справке СВР, как раз в тот период «Конрад» действительно оказался в Москве. И не один, а с женой¹¹. Вопрос: с какой женой?

Согласно документам в TNA, «Пётр Кольцов», прибыл в Британию вместе со своей «супругой» по имени «Елена Никитина» [Pickaxe projects]. Забегая вперед, стоит пояснить, что «Елена Никитина» погибла в 1945 г. Но почему же тогда в ответе СВР на запрос ВГТРК говорится, что «проживавшая в Союзе жена “Конрада” вместе с 3-летним сыном в апреле 1947 г. выехала в Вену»? Больше того, учитывая, что СССР «Конрад» покинул в сентябре 1942 г., он никак не мог быть отцом ребенка, которому в 1947 г. было три года, и на момент прибытия в Британию мог быть связан с другой женщиной. К тому же, еще до войны в ИККИ про Кёлера отмечали: «Непостоянен в личной жизни. Имел одновременно двух жен. Первая жена работает на ответственной партийной работе за границей, вторая в техническом аппарате партии в стране, где принимает участие в заседаниях секретариата» [Келлер, л. 11].

Как будет показано, возможно, в личных отношениях «Кольцова» – Кёлера – Конрада кроется причина того, что гестаповцам удалось сломать одну из женщин – участниц операций, о которых здесь идет речь. Как бы то ни было, кем же была явно не русская «Елена Никитина» и не эстонка «Керсти Поска», которую британцы посчитали его женой в Англии?

«Никитина» – Ноффке

Перекрестное исследование документов TNA и РГАСПИ точно доказало, что советская гражданка «Елена Никитина» / эстонка «Керсти Поска» из документов TNA в Лондоне [AGENTS OF THE RUSSIAN] – это Эльза Ноффке, о которой сообщают материалы РГАСПИ в Москве [Ноффке]. Установить

---

11. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

совпадение помогли фотографии. Однако теперь уже известные нам подробности ее биографии удалось уточнить с помощью еще двух источников.

Во-первых, до сих пор в западной историографии обыгрывалось то, что перехваченное немцами сообщение советской разведки об отправке Ноффке было подписано «Директор». Такая подпись ставилась под сообщениями от начальника не политической разведки НКВД, а военной разведки ГРУ [O'Sullivan 2010, p. 58; Corpi 1996, p. 458, fn. 79]. Стоит признать, что это предположение оказалось верным. В ответе СВР на запрос ВГТРК четко говорится: а) «Данных о принадлежности данного лица к агентурному аппарату Службы не имеется» и б) «Эльза Ноффке являлась агентом-нелегалом ГРУ ГШ»¹².

Во-вторых, при подготовке этой статьи удалось вступить в переписку и лично встретиться с немецким документалистом Ингой Вольфрам. Это – дочь от второго брака мужа Эльзы Ноффке, Эрнста. К тому, что сохранилось в семейных преданиях, вернемся еще не раз.

Пока же стоит кратко обозначить ставшие известными еще до этого основные вехи биографии Эльзы Ноффке. Родилась 29 июня 1905 г. в Судетах. По-немецки город ее рождения назывался Розенталь, по-чешски – Рожмитал-над-Тршемшинем. Сама она свое подданство / гражданство определяла, как «германское», а национальность – «немецкой». Впрочем, ее отец – Рудольф Яндера. Это – явно не немецкая фамилия. Не «арийской» была и девичья фамилия матери: Анна Черна [Ноффке, л. 60]. Увлечшись коммунистическими идеями, в 1922 г. Эльза вступила в комсомол именно в Чехословакии, а в январе–октябре 1926 г. числилась во «взрослой» чехословацкой компартии [Ноффке, л. 13]. Но с октября 1926 – по октябрь 1928 г. Ноффке – кандидат в члены ВКП (б), т.е. работает в СССР.

В то же время в Советском Союзе находился ее будущий муж Эрнст. До сих пор, по западным источникам, выходило, что именно в СССР они и познакомились, но лишь в 1935 г. [Corpi 1996, p. 458, fn. 79]. Однако, по рассказам И. Вольфрам, знакомство ее отца с Эльзой пришлось на 1929 г. Значит они сошлись не только не в том году, но и не в Советском Союзе, так как из материалов РГАСПИ следует, что с ноября 1928 до марта 1932 г. Эльза – вновь «член КП Чехии» [Ноффке, л. 60]. По правилам Коминтерна, коммунист числился в «национальной секции» Третьего Интернационала той страны, где находился. На первый взгляд, все это не так существенно. Однако, как представляется, это позволяет добавить один любопытный штрих к описанию характера Э. Ноффке. Получается, что ее последующий переезд в Германию (в 1932–1938 гг. она числилась в компартии уже этой страны [Ноффке, л. 13]) –

---

12. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

следствие знакомства с Эрнстом. Значит, в то время она была так влюблена, что была готова следовать за ним.

Эрнст Ноффке родился 11 декабря 1903 г. в Гамбурге. Сын работника швейной фабрики, в 1925–1929 гг. он изучал экономику в университете родного города, а в 1931–1932 гг. продолжил обучение в Берлине, где получил докторскую степень. И его политические увлечения пережили известный дрейф: если в 1921 г. он вступил в социал-демократы, то уже в 1923 г. перешел в коммунисты. Его образованность означала, что в партии ему доверили творческую деятельность. До апреля 1931 г. он руководил издательством «Hamburger Volkszeitung», преподавал и директорствовал в партшколе в Берлине-Фихтенау, а в конце 1932 г. Политбюро назначило его главой отдела пропаганды [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642]. Эльза в Германии работала в Обществе дружбы с Советским Союзом [Coppé 1996, p. 458, fn. 79] и в газете «Rothe Fahne» («Красное знамя») [O'Sullivan 2010, p. 86].

После поджога рейхстага Эрнст в марте-апреле 1933 г. работал партийным инструктором в Руре и на Среднем Рейне. После краткого ареста в середине мая 1933 г. проживал нелегально в Берлине. А после 15 июля 1933 г. эмигрировал [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642], оказавшись в итоге в СССР. Первый адрес – Ленинград. Сначала супруги Ноффке стали работать в местном отделении издательства иностранных рабочих [Ноффке, л. 60]. В начале 1936 г. они были переведены в Москву [Ноффке, л. 13–14], где уже находилась сестра Эльзы Альбин, бывшая замужем за советским коммунистом Михаэлем Креппсом.

В Москве начинается нечто ужасное. Согласно заявлению Эльзы в Отдел кадров ИККИ, она и ее муж нашли семью Креппсов политически близорукой: Эльза пишет, что «[мы против них] выступали на собраниях и в стенгазетах» [Ноффке, л. 14]. В итоге Эльза добилась того, что ее сестра и свояк были... арестованы. Но и Эльза из-за связи с «неблагонадежными» (с которыми она сама боролась) была уволена из издательства. Возможно, и поэтому тоже во время пребывания в Англии она «не раскрывала своих политических взглядов, вообще никогда не говорила о политике» [TNA HS 4/342]. Через «чистки» прошел и Эрнст Ноффке: в 1937 г. он был заключен в тюрьму, но, к счастью, его быстро освободили [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642].

Согласно документам ГРУ, к которым получил доступ российский писатель В. Лота, по состоянию на 1942 г., Эрнст и Эльза Ноффке считались «проверенными людьми» [Лота 2005, с. 429], а готовила Эльзу к заданию такая знаковая фигура, как будущий полковник ГРУ (тогда капитан) Мария

Иосифовна (Осиповна) Полякова¹³. В 1937 г. ее отец-меньшевик и брат были расстреляны, но она, вернувшись в Москву с поста руководителя нелегальной резидентуры в Швейцарии, отправила закрытой служебной почтой письмо Ворошилову, чем и сохранила себя.

Насколько можно понять, сначала Эльзу собирались забросить в Германию из Советского Союза (советские самолеты долетали до Польши / Восточной Пруссии). Но В. Лота пишет, что «после серии неудач [...] заброску [...] было решено проводить с помощью военной разведки Великобритании» [Лота 2005, с. 429].

8 августа 1942 г. Мария Полякова проводила Эльзу Ноффке, посадив ее на Ярославском вокзале Москвы, откуда и тогда, и сегодня отправляются поезда до Архангельска [Лота 2005, с. 429].

Когда вместе со своими товарищами по группам «Тоник» и «Содовая» Эльза доберется до Англии, офицеры SOE решат, что она была «руководителем группы»: «Она явно обладала самым твердым характером, точно знала, чего хочет и почти всегда этого достигала» [Pickaxe operations]. Еще интересная деталь. По прибытии в Англию она повела себя как выдержанный и даже экзальтированный критик буржуазных порядков. В частности, «громко жаловалась на качество товаров в магазинах Лондона, противопоставляя их сверкающим торговым центрам Москвы» [Pickaxe operations]. В то же время при обучении на парашютных курсах в Англии она была признана в SOE «слишком нервной» [Pickaxe operations]. По идее, эти две характеристики противоречат друг другу. Однако и И. Вольфрам со слов отца знала, что, когда дело дошло до курсов ГРУ, ее отец сетовал: «Папа пытался вместо нее попасть в органы, говорил, что ее нервы не выдержат».

Примечательно, что еще одна характеристика британцев гласила, что «Никитина» оказывала «необычайное сексуальное воздействие на большинство мужчин» [Pickaxe operations]. Не был ли под большим впечатлением от нее и ее спутник «Кольцов»-Кёлер? Не потому ли британцы разглядели в нем

---

13. Мария Полякова (1908–1995) родилась в Петербурге, в рабочей еврейской семье. Отец был меньшевиком, но в первые годы после революции служил в Наркомате внешней торговли, в том числе торгпредствах РСФСР / СССР в Германии и Великобритании. В силу этого обстоятельства в 1921–1925 гг. Мария училась там и хорошо овладела соответствующими языками. В 1925–1932 г. работала в КИМе, где и получила приглашение перейти в военную разведку. В 1936–1937 гг. – нелегальный резидент РУ РККА в Швейцарии, где добыла документы и снаряды от 37-мм зенитной пушки фирмы «Эрликон», используемой вермахтом. Была замужем за профессиональным революционером чехом Иосифом Дицка. Он погиб в августе 1941 г. при десантировании в районе польского города Чехольтин для выполнения спецзадания в тылу у немцев. В 1946–1956 гг. преподавала в специальном учебном заведении военной разведки. В отставку вышла в 1956 г. [Алексеев 2012, с. 614–615].

мужа «Никитиной»? В то же время нет сведений о том, что на момент выезда из СССР у Эльзы состоялся разрыв с ее мужем Эрнстом. По рассказам И. Вольфрам, пока Эльза училась на спецкурсах перед отправкой на Запад, он к ней ездил. Правда, всего один раз.

Интригующим выглядит и то, что у офицеров SOE в Англии сама Эльза «в числе прочего попросила, чтобы ее снабдили обручальным кольцом и распятием» [Picksaxe operations].

«Тоник» и «Содовая» в Британии

По прибытии в Англию группы «Тоник» и «Содовая» разместили в лондонском районе Майда Вэйл [Russia 1942–1944], а 5 октября перевели на ферму Алдертон-холл в графстве Эссекс. Позже их также размещали в графстве Хемпшир. В целом они оставались в стране с сентября 1942 по февраль 1943 г. Стоит объяснить, что такой долгий транзит в Англии связан был и с потерей документов и передатчиков при потоплении их судна. За время ожидания новых документов случилось несколько важных событий.

Во-первых, руководитель миссии связи НКВД в Лондоне Чичаев перетасовал состав групп. Новой парой «Тоник» стали «Никитина»-«Поска» (Ноффке) и загадочный «Горелов»-«Улноти». Новая группа «Сода» – «Новикова»-«Ундер» (Эмилия Шок-Нагель-Борецки или иначе «Чайка») и «Кольцов»-«Круус» (Кёлер-«Конрад») [O'Connor 2012, p. 112].

Во-вторых, британцам удалось более или менее понять, в чем состояла цель советских агентов. Про Ноффке офицеры SOE выяснили, что ее интересовали Кёльн и Берлин, а загадочного «Горелова» – «разные карты Штутгарта» [Picksaxe operations]. Про Кёлера британцы поняли, что он планировал внедриться на венские заводы «Штайр-Даймлер-Пух» [O'Sullivan 2010, p. 88]. В отношении Шок-Нагель-Борецки отметили, что у нее «слабая ясность ума и нерешительность» [Tuas 2017, p. 79]. Иными словами, она показалась лишь исполнителем-радистом, у кого не было самостоятельного оперативного задания. Еще в конце 1942 г. SOE и миссия связи НКВД согласовали районы десантирования групп. Для группы «Тоник» был определен район все-таки не Кёльна или Берлина, а Штутгарта-Фрайбурга на юго-западе Германии, для «Содовой» – на подходах к Вене.

В-третьих, однако, несмотря на то что новые документы из Москвы прибыли в Британию из СССР еще 27 ноября 1942 г., вылет на континент все откладывался: британцы объясняли это плохой погодой. В качестве компенсации для «Ледорубов» провели дополнительные занятия по радиоделу.

Всё это привело к тому, что в начале января 1943 г. глава миссии НКВД Чичаев выразил энергичный протест майору Седдону из Русской секции SOE [Russia 1942–1944]. Кроме этого, через голову своих визави в SOE он обра-

тился напрямую к генералу Джеймсу Маршалу-Корнуэллу, перешедшему в SOE как раз осенью 1942 г. [Marshall-Cornwall 1985]. Но если это и сдвинуло процесс, то без немедленного результата. Когда вылет все-таки был назначен на 17 января 1943 г., в SOE его отложили, потому что не успели с подготовкой багажа [Russia 1942–1944]. А в ночь с 24 на 25 января 1943 г., несмотря на отличную погоду и наличие самолета, на аэродроме «Темпсфорд» (откуда Королевские ВВС осуществляли рейсы для SOE и НКВД) возникла проблема с экипажем: один из авиаторов оказался болен [Russia 1942–1944; O’Sullivan 2010, p. 87].

К этому же несостоявшемуся полету относится доклад анонимного британского офицера, из которого, к сожалению, следует, что, будучи в 1941 г. инициатором налаживания сотрудничества с НКВД, даже и к 1943 г. SOE не добилась от всех своих офицеров по-настоящему союзнического отношения к посланцам из Москвы. В частности, своих советских коллег этот офицер называет исключительно... «Огпу» и пишет: «[Когда] Огпу проявили большой интерес к картам и оперативным материалам, я, как орел крыльями, прикрыл Варшаву. При раздаче горячего кофе и рома, меня чуть не стошнило, когда мне досталась кружка после Огпу» [AGENTS OF THE RUSSIAN]. В нарушение соглашения НКВД – SOE, этот офицер провел личный досмотр готовившейся к полету «Никитиной». Возможно, она и поступила немудро, надев на себя, слой за слоем, весь имевшийся у нее гардероб. Но тональность офицера очевидна: «Она выглядела, как искривленная версия рекламы покрышки Мишelin» [Agents of the Russian].

13 февраля 1943 г. группу «Тоник» вновь привезли на «Темпсфорд». Самолет взлетел. Но достигнув Германии, прокружил 45 минут над районом выброски и так и не смог из-за плохой видимости определить точную точку для парашютирования. Агенты вернулись в Англию [Clark 1999, p. 133–134]. Через три дня, в ночь с 16 на 17 февраля парашютирование отменила плохая видимость, оцененная в «10/10». В последний момент не состоялся и вылет 18 / 19 февраля: стало плохо одному из пассажиров [Pickaxe operations].

Группа «Содовая» также с первого раза попасть с «Темпсфорда» на континент не смогла. 19 февраля самолет пересек Ла-Манш, углубился в воздушное пространство над оккупированным континентом, но внезапно перегрелся один из двигателей, а потом забарахлил еще один. Летчик принял решение возвращаться на базу [Clark 1999, p. 137–138; Pickaxe operations]. Своего рода «утешительным призом» стало то, что группам вручили два фунта немецкого табака, 400 голландских сигарет и лампу 5 U4 G для их радиопередатчика [O’Connor 2012, p. 117]. Передатчиком служил британский «В Mark II» весом в 30 фунтов и с дальностью действия в 2500 км, что значительно превосходило характеристики советских передатчиков [O’Sullivan

2010, p. 89]. Это, безусловно, может считаться проявлением доброжелательности SOE.

Решающей для обеих групп оказалась ночь 24 / 25 февраля 1943 г. Группа «Тоник» поднялась в небо в 21:05. Достигнув заданного района и предложив своим пассажирам совершить прыжок с высоты в 1900 футов, летчики отметили, что Эльзу до этого «чуть укачало» и она все-таки «нервничала», но они видели, что раскрылись все три парашюта – женщины, мужчины и их багажа [Clark 1999, p. 134].

Чуть раньше, в 18:50, с «Темпсфорда» взлетел «Галифакс» с группой «Содовая». Пара советских агентов была сброшена с высоты в 700 футов над Австрией [O'Sullivan 2010, p. 88]. Вернувшись на базу, летчик отметил, что «женщина слишком долго тянула с прыжком после мужчины, прыгнувшего первым», но, главное, парашюты раскрылись у обоих [Clark 1999, p. 138; PICKAXE OPERATIONS].

Наутро в SOE официально уведомили НКВД об успехе операций [Pickaxe operations]. Через три дня генерал Маршалл-Корнуэлл был гостем на приеме в Посольстве СССР [Russia 1942–1944]. Кризис во взаимоотношениях SOE и НКВД был преодолен. Но настоящий кризис начинался у разведгрупп.

«Содовая» в Австрии

Будучи допрошенным в июле 1945 г. британцами, еще один гестаповец, имевший отношение к поимке группы «Содовая», Йохан Занитцер, поведал историю странную, если не анекдотическую. Якобы Кёлер-«Конрад», прыгая с парашютом, привязал к ноге бутылку коньяка, она разбилась и именно по запаху коньяка гестаповские овчарки взяли след. Занитцер также объяснял, что гитлеровцы знали о прибытии группы «Содовая» в Австрию, так как сообщение об их скором появлении от московского «Директора» пришло к советскому парашютисту-радисту, которого гитлеровцы схватили еще 8 июля 1942 г. и перевербовали [Agents of the Russian].

Сразу же разберем версию про коньяк, в которой видится тот самый «гестаповский фильтр», который подвигает к скоропалительным выводам и сегодняшних исследователей. Так, и английский историк Стивен Тайас, и британский соавтор этой статьи уверенно писали, что заброшенных в Австрию агентов из группы «Содовая – Тоник» гитлеровцам удалось схватить «сразу после приземления» [Tuas 2017, p. 79; O'Connog 2012, p. 122]. Но еще O'Sullivan, повторив это утверждение, все-таки сделал ссылку на мнение австрийского историка Шафранека, который отмечал, что Кёлер смог прятаться в течение двух недель [O'Sullivan 2010, p. 89]. Даже не обладая доступом к российским документам, Шафранек оказался прав.

Теперь благодаря обнаруженным в РГАСПИ выпискам из сообщений австрийского коммуниста Йозефа Майзеля, подшитым к личному делу Кёлера (с которым они вместе оказались в тюрьме в Вене), можно еще больше раздвинуть сроки пребывания «Конрада» на свободе: «Конрад был арестован [...] в Вене после того, как он около *шести* недель находился на [...] свободе» [Келлер, л. 3]. Добавим к этому, что и по информации СВР, «Конрад» и «Чайка» были арестованы «*в марте 1943 г.*»¹⁴ (курсив наш. – С. Б., Б. О'К.). Значит члены группы «Содовая» не были пойманы сразу после приземления.

Более того, разбираясь в послевоенных показаниях гитлеровцев, в SOE написали и так: «На самом деле, группа была поймана из-за “проблем с квартирой”. Русским нужен был переменный ток для управления их передатчиком, а так как в Вене квартир с таким током было очень мало, было относительно просто следить за такими жилищами и арестовывать любых подозрительных лиц» [Agents of the Russian].

Иными словами, крайне высока вероятность того, что версия о коньяке – гестаповская сказка, тот самый «фильтр». В то же время Мейзель показал, что «в действительности [Кёлер-“Конрад”] с самого начала находился под наблюдением гестапо, так как последние были точно проинформированы о его прибытии до него арестованными (также прибывшими из СССР)» [Келлер, л. 3].

Кто «сдал»?

При допросах и британцами, и американцами гестаповец Занитцер назвал ключевым перевербованным присланного из СССР радиста Вилли Кёнера. Была даже обозначена радиоигра «*Quartiermacher-1*» [Agents of the Russian; O'Sullivan 2010, p. 88; Tyas 2017, p. 52], по результатам которой были арестованы «Конрад» и «Чайка». К сожалению, в этой истории масса провалов и нестыковок.

Еще полвека назад германский исследователь Хёне напомнил: и сам радист Бёрнер был именно *пойман*.

Вилли Бёрнер – один из тех советских парашютистов, которые в два этапа были заброшены в Восточную Пруссию. В ночь с 17 / 18 мая 1942 г. две группы советских агентов были парашютированы рядом с г. Алленштайн (ныне Олштин в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши). В следующую ночь, 18 / 19 мая, еще одна советская группа была заброшена с парашютами у г. Инстербург (ныне Черняховск Калининградской области). Достоверно известно, что из тройки, сброшенной у Инстербурга-Черняховска, один был убит в бою по приземлении, а Вальтер Гершманн и Вильгельм Трапп взяты

---

14. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

гитлеровцами в плен. От них-то и стали известны имена и приметы тех, кто, приземлившись, смог скрыться и продолжить путь на территории современных Германии и Австрии. В результате их приметы были разосланы во все отделения Главного управления имперской безопасности (РСХА), и Бёрнер был арестован по наводке *информатора* [Höhne 1971, p. 150–152; Tyas 2017, p. 51]. В сегодняшней СВР это подтверждают: «Как выяснилось впоследствии, причиной арестов послужило предательство провокатора, внедренного гестапо в нелегальную группу австрийской компартии»¹⁵.

В показаниях Майзеля из фонда Коминтерна в Москве находим дополнительные детали (орфография сохранена): «Уже некоторое время до прибытия Конрада, некоторые товарищи, прибывшие с аппаратом передач из СССР, попали в руки гестапо. Двух из них я сам видел. Один из них преподаватель по спорту (по его словам, судетский немец) из Ленинграда, второй 18–19 лет, [...] Австрия, который находился в Москве в детдоме шуцбундовцев. Оба все, что знали, выдали гестапо и с ними обращались очень хорошо. Более молодого, очень часто по ночам брали наверх [...] и большей частью возвращался в камеру только в 5 часов утра. Очень возможно использовался для радиопередачи в СССР. Материал для радиопередач днем будто бы составлялся Цвифельгофером, который ежедневно с 8 часов утра до 6 часов вечера работал в канцелярии гестапо» [Келлер, л. 4].

Итак, даже и разобравшись с некоторыми преувеличениями и упрощениями, связанными с «гестаповским фильтром», признаем, что группу «Содовая» в Австрии в результате множественных предшествующих провалов, о которых Москва не знала, действительно, взяли довольно быстро.

Признания?

Согласно справке от СВР, «на допросах в гестапо “Конрад” вел себя мужественно и отказывался давать какие-либо показания»¹⁶. Но еще в 1945 г. Мейзель рассказал (орфография сохранена): «Он очень долго при всех пытках держался стойко, но затем при множестве доказательств (радиоаппарат, химический кодекс и т.п.) и обвинение со стороны с ним вместе провалившихся товарищей, а еще до этого арестованными, прибывшими из СССР» [Келлер, л. 3]. Фраза в документе оборвана, но вывод понятен: Келлер все-таки заговорил, хотя в своих показаниях в 1946 г. Мейзель и уточнил, что «совместную работу (курсив наш. – С. Б., Б. О'К.) с гестапо он категорически отверг» [Келлер, л. 4].

---

15. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

16. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

В СВР вопрос ставят так: «[“Конрад”] был уличен “Чайкой”, которая выдала гестапо все, что она знала о “Конраде”»¹⁷. Вот и по О’Салливану, Эмилия раскрыла секреты своего передатчика. Но все-таки О’Салливан не сомневается, что *оба* члена группы «Содовая» рассказали о том, как проходили подготовку в СССР на базе Пионерская, об обстоятельствах своего пребывания в Британии [O’Sullivan 2010, p. 89]. В SOE также пришли к выводу, что «*группу* (курсив наш. – С. Б., Б. О’К.) “убедили” сотрудничать с гестапо» [Agents of the Russian]. Но еще О’Салливан полагает, что информация, полученная именно от Кёлера, помогла гитлеровцам схватить во Фрайбурге Эльзу [O’Sullivan 2010, p. 89].

«Тоник» в Германии

9 августа 1943 г. на адрес Чичаева в Лондоне была отправлена бумага, составленная на основе информации от перебежавшего в Швейцарию из Германии профессора Университета Берлина. Он рассказал, что пока по пути к границе скрывался во Фрайбурге, слышал, что в июне местная полиция арестовала неких «английских парашютистов», сброшенных в начале года у гряды Кайзерштуль. В SOE поняли, что это – район парашютирования в начале года группы «Тоник»... [Pickaxe operations].

К этому в SOE добавили, что еще 6 июня 1943 г. по обвинению в сокрытии агентов, парашютированных британцами, немцы арестовали некоего Мюллера, проживавшего по швейцарским документам на Альбертштрассе во Фрайбурге. Кроме того, сообщалось, что найдены передатчик и коды, которые, по информации источника SOE, теперь использовались в радиоигре с Москвой. Еще британцы сообщили коллегам из НКВД, что их агент подслушал разговор солдат в поезде Фрайбург – Мюнхен. Те говорили о том, что во все том же Фрайбурге арестована женщина-парашютист [Pickaxe operations]. Очевидно, что это была «Никитина»-Ноффке.

И в данном случае существует версия о том, что гестаповцы знали заранее даже место высадки группы «Тоник». Суть в том, что соответствующая ориентировка поступила из Москвы Хайнриху (Хайнцу) Кёнену – еще одному советскому радисту, отправленному самолетом из СССР, схваченному еще в октябре 1942 г. и перевербованному [O’Sullivan 2010, p. 87; Tyas 2017, p. 80]. Но и в данном случае есть показания еще одного сдавшегося британцам гитлеровца, лейтенанта Герда Манеберга, которые заставляют отнестись и к этой версии, как минимум, с осторожностью. Итак, выяснилось, что место высадки в гестапо узнали не из радиоигры, а когда в полицию обратился местный фермер, который нашел в поле чемодан с парашютом. Внутри был обнаружен

---

17. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

радиопередатчик. После тщательных поисков в том же районе был обнаружен еще один чемодан с мужской и женской одеждой [Agents of the Russian]. Как бы то ни было, начались поиски.

Дальнейшие события, согласно западным источникам, выглядят так. «Никитина» и «Горелов» связались со своим контактом во Фрайбурге. Он, Мюллер, отправил открытку в Швейцарию своей сестре Анне, которая также 20 лет работала на советскую разведку [Robinson]. В открытке говорилось, что «Инга» приехала, но потеряла свой «чемодан» [Nollau 1979, p. 48; O'Sullivan 2010, p. 87]. Из Швейцарии это сообщение было передано в московский Центр. И вскоре «Директор» проинструктировал о необходимости передать группе «Тоник» новый передатчик. Правда, почему-то, согласно западным источникам, инструкция ушла не в Швейцарию, а перевербованному Кёнену [Tuas 2017, p. 80]. Вроде бы ему был сообщен адрес во Фрайбурге.

Тем не менее из показаний лейтенанта Манеберга все-таки следует, что и арест Э. Ноффке произошел не только и не столько вследствие радиоигры: «В тот же период русский агент в Вене раскрыл адрес пожилой пары во Фрайбурге», гестапо проверило эту пару, но на нее ничего не было. Тем не менее за их жилищем было установлено наблюдение. И вскоре выяснилось, что у этой «безобидной» пары был друг-«бизнесмен из Фрайбурга», который попросил их об одолжении разместить у себя одну его старую знакомую из Кёльна. Она пришла к ним 6 июня и даже успела вручить задаток в 1000 рейхсмарок. Через час в дверь уже постучали гестаповцы. Открывшая им дверь молодая женщина «немедленно положила что-то себе в рот». Но Эльза не *раскусила*, а лишь *проглотила* капсулу с цианидом. Ей прочистили желудок [Agents of the Russian]. Начались допросы.

Допросы Ноффке

То, что немцам попалась точно Эльза Ноффке, – несомненно. Начнем с косвенной детали. Когда в мае 1945 г. американцы освободили заключенных концлагеря Равенсбрюк, то среди них обнаружили и захваченные немцами женщины – агенты SOE. Одна из них, «Лиз» (англичанка Одэтт Сэнсом, агент секции F SOE [Odette Marie; Nazi persecution claim]), рассказала, что сдружилась в лагере с женщиной по имени Хелен Поска, про которую думала, что и та – британский агент. Напомним, что именно такой эстонской фамилией при транзите через Англию пользовалась Ноффке. То, что об этой женщине рассказала «Лиз», вполне совпадает с тем, что известно о судьбе Эльзы: была арестована немцами в феврале 1943 г. и при аресте попыталась принять яд. Кстати, «Лиз» отмечала, что, рассказав детали своей биографии, Поска так и не согласилась на *сотрудничество* с гитлеровцами [Robinson].

Кроме того, доказательством может служить и то, что задержанная во Фрайбурге женщина рассказала гестаповцам, что является советским агентом и что «судно, на котором она плыла [на задание] затонуло, но она была спасена и доставлена в Англию». Наконец она сообщила, что ее компаньона ей представили в Британии [Agents of the Russian], что соответствует версии о том, как Чичаев перетасовал изначальные группы «Тоник» и «Содовая».

И наконец, еще одно доказательство того, в руках у гестапо оказалась Ноффке: от Эльзы немцам стало известно, что ее муж – «гамбургский коммунист» [Agents of the Russian]. Эрнст Ноффке действительно родился именно в Гамбурге. Но ведь в Англии офицерам SOE показалось, что муж «Никитиной» – это «Кольцов» (т.е. Кёлер-«Конрад»). Вспомним те характеристики, которые «Конраду» давали в Коминтерне: «непостоянен в личной жизни» и т.п. В свою очередь, «Лиз» откуда-то знала, что Поска не просто была связана с «Эмилией Новиковой», но была замужем за «Петром Кольцовым» [O'Connor 2012, p. 122]. Британский следователь, который беседовал с «Лиз» отметил: «У меня сложилось впечатление, что Никитина ревновала Новикову, и последняя с основаниями на то могла стать причиной утечки» [Robinson].

Это ставит под сомнение версию О'Салливана о том, что адрес Ноффке во Фрайбурге выдал «Конрад». И это подтверждает версию из документов СВР и РГАСПИ, что он на допросах держался – в отличие от «Чайки». Еще, конечно, это заставляет предположить, что членами групп «Тоник» и «Содовая» двигали не только политика и идеология.

Судьбы: Ноффке

По рассказам И. Вольфрам, ее отцу в октябре 1943 г. в Москве лаконично сообщили, что Эльза не вернется. Во времена ГДР в одной из бывших камер Равенсбрюка висел портрет Ноффке с информацией о том, что ее убили в ночь на 7 ноября 1943 г. (т.е. в годовщину Октябрьской революции). В 1991 г. все фотографии бывших коммунисток из Равенсбрюка были удалены. Но с тех пор рассекречена новая информация.

По показаниям упоминавшейся выше «Лиз», в последний раз она видела свою подругу, которую знала как «Поска», 10 февраля 1945 г. Та попросила англичанку связаться с «ее друзьями», чтобы те рассказали о том, что с ней случилось. Собственно, это и сработало: ведь в Лондоне Эльзу Ноффке знали под фамилиями «Новикова» и именно «Поска». Сообщение дошло (по крайней мере – до Лондона). В тот же день, 10 февраля 1945 г., Эльза сказала «Лиз», что ее везут в Берлин [Robinson]. С. Тайас считает, что на самом деле в ночь с 10 на 11 февраля ее расстреляли в концлагере, а тело сожгли в крематории [Tuas 2017, p. 81].

Сам Эрнст Ноффке с началом войны был зачислен в так называемый 99-й Научно-исследовательский институт Коминтерна, про который известно, что в годы Великой Отечественной он занимался работой с военнопленными [Адибеков 1997, с. 236–237; Млечин 2019]. По рассказам И. Вольфрам, отец не раз выезжал на фронт, где через усилитель обращался к солдатам вермахта с призывами сдаваться.

Как рассказывает Инга, у отца были очень сложные отношения с руководством вновь образованной ГДР, и он смог вернуться в Германию только в январе 1952 г. Там он работал в области культуры и науки и умер 16 ноября 1973 г. в Восточном Берлине [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642].

Судьбы: Эмилия и ее муж

Из справки СВР: «По приходу наших войск в Вену в апреле 1945 года “Чайка” была арестована органами военной контрразведки “СМЕРШ” и особым Совещанием 15 сентября 1945 года была осуждена на 8 лет ИТЛ, срок отбывания наказания исчисляется с 24 апреля 1945 г.»¹⁸.

Как мы помним, в «оттепель» она писала заявление о том, чтобы ей перечислили зарплату умершего мужа. Он, сотрудник разведки Коминтерна Густав Шок-Борецки, умер не своей смертью, а «расстрелян с конфискацией». Согласно определению Верховного суда СССР от 25 марта 1938 г., он «был признан виновным в том, что являлся участником антисоветской троцкистской организации и с 1935 г. проводил шпионскую деятельность в пользу германской разведки». Посмертная реабилитация состоялась 5 апреля 1958 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор «по вновь открывшимся обстоятельствам за отсутствием состава преступления» [Шок, л. 4].

В справке из СВР говорится, что «Дальнейшая судьба “Чайки” в деле не отражена»¹⁹. Но, как мы помним, свое заявление о том, чтобы ей перевели зарплату мужа, она писала из города Инта Коми АССР, где она, очевидно, и осела.

Судьбы: Кёлер-«Конрад»

В своем рассказе, который подшит к делу Кёлера в РГАСПИ, Мейзель приводил такие детали (орфография сохранена): «Особенно тяжело страдал Конрад благодаря обвинений Цвифельгофера и, однажды, в тайной переписке он писал, что последний все снова доводит его до кровавого пота. Так как

---

18. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

19. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

похоже для гестапо он был полностью бесполезным, совместную работу с гестапо он категорически отверг. В середине 1943 г. был переведен в концлагерь в Маутхаузен, что в дальнейшем с Конрадом было – не знаю» [Келлер, л. 4].

И западные, и российские источники сходятся в том, что «Конрад» был убит в Маутхаузене весной 1945 г. [Келлер, л. 1–2; O'Sullivan 2010, p. 90; Nollau 1977, p. 75; Tyas 2017, p. 81]. В материалах РГАСПИ указано, что это произошло в марте. В СВР считают, что жизнь «Конрада» оборвалась в апреле «за несколько часов до прихода американских войск»²⁰.

Судьбы: Другие

Стоит еще раз повторить, что о «Горелове»–«Тиетце» до сих пор неизвестно вообще ничего. Разве что недавно мелькнуло и еще одно его возможное имя: Ernst Beutge [Tyas 2017, p. 79]. По одним данным, он был убит гитлеровцами еще в 1943 г. в концлагере Заксенхаузен [Tyas 2017, p. 81]. По другим, его видели в Маутхаузене [Robinson].

Следующей группой советских агентов, кого эсэсовцы уже поджидали из Англии, была группа «Эверест» [O'Sullivan 2010, p. 90]. Но это – уже другая история.

Библиография

- Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.
- Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М.: Кучково поле, 2012. 976 с.
- Брилёв С.Б. Операция «Оранж». Загадочные испанцы – участники англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г. // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 190–215.
- Записки службы связи ИККИ Г.М. Димитрову по вопросам связи с компартиями // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 73. Д. 77 (опубл.: Коминтерн и Вторая мировая война: [сб. док. в 2 т.]. М.: Памятники ист. мысли, 1994. Т. 1. С. 55).
- Келлер Герман Карлович (Конрад Герман, Шобер Рудольф, Гермес, Грюн, Виктор, Зименсен Эмиль и др.). Личное дело // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 187. Д. 1026.
- Кононов А.Б. Архангельская область в спецсообщениях УНКВД-УНКГБ (1941–1945 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 4. С. 5–15.
- Лота В.И. «Альта» против «Барбароссы». М.: Молодая гвардия, 2005. 471 с.
- Млечин Л.М. Мы наш, мы новый... Чем был Коминтерн для советской власти и всего мира // Огонек. 2019. № 8. С. 17.
- Ноффке Эльза Рудольфовна. Личное дело // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 205. Д. 4832.

---

20. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

- Шок Густав. Личное дело // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 272. Д. 200.
- Agents of the Russian Intelligence Service given SOE facilities. An agreement was signed in 1941 between the NKVD and SOE to deliver a number of Russian agents into Occupied Europe // The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 2/2827.
- Clark F. Agents by moonlight: the secret history of RAF Tempsford during World War II. Stroud: Tempus, 1999. 336 p.
- Coppi H. Die «Rote Kapelle» im Spannungsfeld von Widerstand und nachrichtendienstlicher Tätigkeit. Der Trepper-Report vom Juni 1943 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Hf. 3. S. 431–458.
- General Sir James Marshall-Cornwall // The Times. 1985. 31 Dec.
- Hill G.A. Reminiscences of Four Years with NKVD [Memoirs, typewritten] // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University, USA (acquired in 1968).
- Höhne H. Codeword: Direktor. The Story of the Red Orchestra / transl. by Richard Barry. London: Secker & Warburg, 1971. 310 p.
- Jürgen R., Hümmelchen G. Chronik des Seekrieges 1939–1945. 1942, September. Stuttgart: Württembergische Landesbibliothek, 2008–2017. URL: <https://www.wlb-stuttgart.de/seekrieg/42-09.htm> (Дата обращения: 15.04.2019.)
- Jüri Kruus // Eesti Kommunismiohviid 1940–1991. URL: <https://www.memoriaal.ee/otsing/?q=Jüri+Kruus+&f=all> (Дата обращения: 12.03.2019.)
- Nazi persecution claim: Mrs Odette Marie Celine Hallowes MBE (formerly Sansom and Churchill, nee Brailly) // The National Archives of the United Kingdom (TNA). FO 950/2253.
- Nollau G., Zindel L. Gestapo ruft Moskau, Sowjetische Fallschirmagenten in Zweiten Weltkrieg. München: Blanvalet, 1979. 318 S.
- O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.
- O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. 338 p.
- Ocean Voice. British Steam merchant // Uboat. net. URL: <https://uboa.net/allies/merchants/ship/2196.html> (Дата обращения: 09.02.2019.)
- Odette Marie Celine Hallowes, nee Brailly, aka Odette Sansom, aka Odette Churchill – born 28.04.1912 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 9/648/4.
- Pickaxe operations: Tonic; Sodawater // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/344.
- Pickaxe projects // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/336.
- Robinson H. Soviet intelligence network in Western Europe since October 1945 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 3/137.
- Russia. Aug. 1942 – Jun. 1944. P. 1–115 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 7/278.
- Schafranek H. Im Hinterland des Feindes: Sowjetische Fallschirmagenten im Deutschen Reich 1942–1944 // Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes: Jahrbuch 1996. Wien, 1996. S. 10–40.
- Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

References

- A report by the ECCI Communication Service to George Dimitrov on relations with Communist Parties. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 73. F. 77. (published: Comintern and the Second World War: [collected documents in 2 tons]. Moscow: Monuments of historical thought [Pamyatniki istoricheskoy mysli], 1994. V. 1. P. 55). (In Russ.)
- Adibekov G.M., Shakhnazarova E.N., Shirinya K.K. The organizational structure of the Comintern 1919–1943. Moscow: ROSSPEN, 1997. 287 p. (In Russ.)
- Agents of the Russian Intelligence Service given SOE facilities. An agreement was signed in 1941 between the NKVD and SOE to deliver a number of Russian agents into Occupied Europe. The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 2/2827.
- Alekseev M.A., Kolpakidi A.I., Kochik V.Ya. Encyclopedia of military intelligence. 1918–1945. Moscow: Kuchkovo Pole, 2012. 976 p. (In Russ.)
- Brilev S.B. Operation «Orange». Spaniards Participating in the Anglo-Soviet Intelligence and Sabotage Scheme «Pickaxe» in 1943. Russia and the contemporary world. 2019. No. 2. P. 190–215. (In Russ.)
- Clark F. Agents by moonlight: the secret history of RAF Tempsford during World War II. Stroud: Tempus, 1999. 336 p.
- Coppi H. Die «Rote Kapelle» im Spannungsfeld von Widerstand und nachrichtendienstlicher Tätigkeit. Der Trepper-Report vom Juni 1943. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Hf. 3. S. 431–458.
- General Sir James Marshall-Cornwall. The Times. 1985. 31 Dec.
- Hill G.A. Reminiscences of Four Years with NKVD [Memoirs, typewritten]. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University, USA (acquired in 1968).
- Höhne H. Codeword: Direktor. The Story of the Red Orchestra. Transl. by Richard Barry. London: Secker & Warburg, 1971. 310 p.
- Jürgen R., Hümmelchen G. Chronik des Seekrieges 1939–1945. 1942, September. Stuttgart: Württembergische Landesbibliothek, 2008–2017. URL: <https://www.wlb-stuttgart.de/seekrieg/42-09.htm> (Date of access: 15.04.2019.)
- Jüri Kruus. Eesti Kommunismiohvrid 1940–1991. URL: <https://www.memoriaal.ee/otsing/?q=Jüri+Kruus+&f=all> (Date of access: 12.03.2019.)
- Keller German Karlovich (Konrad Herman, Schober Rudolf, Hermes, Grün, Victor, Emi Simensen, etc.). Personal file. RGASPI F. 495. Inv. 187. F. 1026. (In Russ.)
- Kononov A.B. Arkhangelsk region in special communications UNKVD-UNKGB (1941–1945). Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. 2015. No. 4. P. 5–15. (In Russ.)
- Lota V.I. «Alta» against «Barbarossa». Moscow: Young Guard [Molodaya gvardiya], 2005. 471 p. (In Russ.)
- Mlechin L.M. The earth shall rise on new foundations... What was the Comintern for the Soviet government and the whole world. Ogonyok. 2019. No. 8. P. 17. (In Russ.)
- Nazi persecution claim: Mrs Odette Marie Celine Hallows MBE (formerly Sansom and Churchill, nee Brailly). The National Archives of the United Kingdom (TNA). FO 950/2253.
- Noffke Elsa Rudolfovna. Personal file. RGASPI F. 495. Inv. 205. F. 4832. (In Russ.)
- Nollau G., Zindel L. Gestapo ruft Moskau, Sowjetische Fallschirmagenten in Zweiten Weltkrieg. München: Blanvalet, 1979. 318 S.
- O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.
- O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. 338 p.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ocean Voice. British Steam merchant. Uboat. net. URL: <https://uboot.net/allies/merchants/ship/2196.html> (Date of access: 09.02.2019.)

Odette Marie Celine Hallowes, nee Brailly, aka Odette Sansom, aka Odette Churchill – born 28.04.1912. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 9/648/4.

Pickaxe operations: Tonic; Sodawater. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/344.

Pickaxe projects. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/336.

Robinson H. Soviet intelligence network in Western Europe since October 1945. The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 3/137.

Russia. Aug. 1942 – Jun. 1944. P. 1–115. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 7/278.

Schafranek H. Im Hinterland des Feindes: Sowjetische Fallschirmagenten im Deutschen Reich 1942–1944. Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes: Jahrbuch 1996. Wien, 1996. S. 10–40.

Shock Gustav. Personal file. RGASPI F. 495. Inv. 272. F. 200. (In Russ.)

Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.